

Татьяна Серганова

ДЕТИ ТЬМЫ. ПРОКЛЯТАЯ
ХИЩНИК ЦВЕТА НОЧИ
ТЪЯНА. ИЗБРАННИЦА КААРХА

РОМАНТИЧЕСКАЯ ФАНТАСТИКА

Татьяна Серганова

Тьяна. Избранница Каарха

Фэнтези • Любовный роман • Приключения

Роман

 Москва, 2019
САРМАДА
&
«Издательство АЛЬФА-КНИГА»

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5
С32

Серия основана в 2011 году
Выпуск 430

Художник
В. Успенская

Серганова Т. Ю.

С32 Тьяна. Избранница Каарха: Роман. — М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019. — 282 с.: ил. — (Романтическая фантастика).

ISBN 978-5-9922-2863-2

Мой мир жесток и не прощает ошибок. Десять лет я существовала, боясь собственной тени. Ждала, что за мной в любой момент придут. И вот этот миг настал.

Меня зовут Тьяна Абремо. Я дочь предателей, проклятая собственной матерью. По приказу великого императора я должна стать женой дикаря с непокорного острова в самом сердце океана, кишящего морскими чудовищами — кракенами. Он Каарх. Потомок некогда великого и древнего рода. Единственный, кто сможет противостоять монстрам Темного.

Наш союз изначально обречен на провал. Но что будет, если в игру правителей вмешается любовь?

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2Рос=Рус)6-445я5

© Серганова Т. Ю., 2019
© Художественное оформление,
«Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2019

ISBN 978-5-9922-2863-2

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Тьяна

«Красные волки» пришли за мной на рассвете.

Мы уже успели позавтракать и обслужить нашу немногочисленную живность в виде старой тощей козы и двух десятков кур.

Собрав яйца в корзинку, я помогала старой няне, старательной вытиравшей посуду, прополоскать наши пожитки в деревянной лохани, такой древней, что дерево уже рассохлось, деформировалось и потрескалось, из-за чего вода медленно вытекала из щели под ноги. От въедливого, дурно пахнущего мыла, которое мы сами варили, жгло руки и трескалась кожа. Еще одна причина закончить стирку как можно быстрее.

Утро было по-летнему теплым и солнечным. Мы расположились на заднем дворе, подставив бледные лица под мягкие лучи. Ничто не предвещало беды. Хотя еще вчера вечером нянюшка, раскладывая пасьянс, хмурилась и кусала губы, поднося к подслеповатым глазам затертые карты.

— Прошное, — бормотала она, и я отчетливо видела ее изрезанное морщинами лицо в отсветах огня, горевшего в очаге. — Прошное возвращается.

Я не обратила внимания на ее слова, хотя стоило насторожиться. Когда живешь в нервном ожидании более десяти лет, потихоньку начинаешь менять свои взгляды, привычки. И бояться тоже перестаешь. Потому что существование в постоянном страхе может лишить рассудка. А я не собиралась преподнести императору такой подарок. О нет, я собиралась долго жить и напоминать ему своим существованием о том, что произошло десять лет назад.

Их было шесть.

Половина элитного отряда безжалостных убийц и головорезов в черной форме с алыми, как кровь, мордами волков на гру-

ди, открывшими пасти в жутком оскале. «Красные волки», императорские палачи, страх и ужас для каждого.

Они зашли бесшумно, лишь холодные взгляды, от которых озноб прошел по спине, заставили меня обернуться. Посмотреть на них, почувствовать, как душа уходит в пятки, постараться не двигаться и не доставать припрятанный в потайном кармане ножик, что не раз спасал меня от подвыпивших граждан, пытавшихся затащить строптивую девицу в ближайшие кусты.

— Нам нужна Тьяна Абремо, — произнес один из вошедших, окидывая нас брезгливым взглядом.

Нянюшка охнула, уронила тарелку, та, тихо звякнув, упала в траву. Дорогого фарфора давно уже не было. Большую часть украли слуги, что поспешили сбежать из замка, как только хозяева были схвачены и увезены в Башню смерти. Остальное вместе с имуществом забрали императорские прихвостни, лишь парочку блюд удалось припрятать няне. Она продала их в лавку семь лет назад, в страшную зиму, когда мы с трудом выживали, а я слегла с горячкой, которая едва не отправила меня за грань. Так что бесценного фарфора давно не было, а оловянным тарелкам ничего не сделается.

— Это я, — спокойно произнесла, осторожно подняла упавшую тарелку и, быстро ополоснув пальцы, вытерла их о подол потертой юбки.

— Что — ты?

— Я — Тьяна Абремо.

Как же мне хотелось добавить титул. Но герцогство было ликвидировано, все замки, поместья, деньги и драгоценности конфискованы в пользу Империи. Оставались лишь жалкое пособие, те вещи, что няня успела спрятать, и крохотный домик вдалеке от столицы, в котором нам позволили существовать.

— Ты?

Они внимательно меня осмотрели. В глазах явно читалось недоверие. Дело не только в залатанной старенькой одежде. Дочь Микеллы и Арнольда Абремо должна была быть другой.

— Проклята, — сорвалось с губ одного, самого молодого.

Его тут же толкнули в бок, заставив замолчать. А я лишь усмехнулась, почувствовав, как страх отступает. Есть кое-что пострашнее «красных волков» — гнев богов, который одинаково беспощаден к бедным и богатым. Говорят, что дети не несут ответственности за грехи своих родителей. Ложь. Я являлась ярким тому примером.

Волки смотрели и понимали, что я не лгу. Такое не прощались.

— Приказом императора вам велено прибыть в столицу.

Медленно опустила на пенек и жалобно всхлипнула няня, прижав дрожащую руку к лицу.

— Все будет хорошо, — шепнула я, ободряюще погладив ее по спине. — Я могу собрать вещи и переодеться?

— Да, — отрывисто произнес первый мужчина, судя по нашивке, командир подразделения, и отвел взгляд в сторону. — У вас десять минут.

— А моя няня?

— Приказано доставить лишь вас.

Старые половицы жалобно заскрипели, когда я вбежала в домик и сразу бросилась за печку, где находилась моя комната, хотя назвать ее так мог лишь сумасшедший. Но какая разница? Здесь помещались лежанка и сундучок для одежды, а еще зимой тут было тепло, и простуда мне не грозила. Большого в данной ситуации не требовалось.

Вошла, задернула занавеску, быстро стянула блузку и юбку, осталась в сорочке из грубого сукна, от которого к вечеру страшно чесалась кожа. Потянулась к сундучку, достала с самого дна мое единственное парадное платье, которое мы выкупили у старьевщика, как смогли, покрасили в ярко-синий цвет и заштопали. Цвет был не совсем синий, краска взялась плохо, платье вышло с разводами, но они получились такими необычными, что создавалось впечатление, будто так и было задумано. Натянув его, подпоясала тканевым пояском, сдернула с головы платок, причесалась и украсила волосы гребешком с искусственными цветами, пожелтевшими от времени.

Рука дрогнула, когда я водрузила гребешок на голову и стала изучать собственное отражение в осколке зеркала, прикрепленном к стене. Промелькнула мысль: зачем я так стараюсь? Для кого? Все равно никто не оценит, лишь высмеют.

Выдернула гребешок, вздрогнула от боли, когда он потянул за собой волосы, некоторое время сжимала его в руке, а затем бросила на лежанку.

Вещей у меня было немного, да и не стоило брать юбки и блузки с собой. Поэтому в небольшой мешок аккуратно легли сменное белье и еще одна сорочка.

Замерла и некоторое время прислушивалась к звукам, доносившимся с улицы, затем достала из тайника припрятанную де-

ревянную шкатулку с дорогими сердцу безделушками — камушками, ракушками и стеклянными бусами. Денег они не стоили, но и расставаться с ними я не желала.

Последним из шкатулки был извлечен небольшой кулон. Самая дорогая и самая бесполезная вещь в жизни. Великое Древо, выполненное из золота, с листочками из изумрудов и моим именем внизу. Кулон, который нельзя продать или украсть, ведь его боги дарят каждой дриаде после первого круга испытаний.

Я хорошо помнила, как через полгода после казни родителей швырнула его в воду, не желая видеть частицу прошлого, которое у меня отняли. Он все равно вернулся ко мне через пару месяцев в желудке рыбы.

— Береги его, — сказала няня, возвращая кулон Древа. — Береги и помни, кто ты такая и кем были твои родители. Помни, как их предали, и будь сильной. Не дай себя сломать.

Как только украшение коснулось груди, я прижала его ладонью, на мгновение закрыла глаза.

Нет, не к богам я взывала в этот момент, а к родителям. И пусть это неправильно, души ушедших тревожить грешно — сам Мертвый бог может откликнуться и утащить в свой острог, где царит вечная ночь, — но я уже давно перестала бояться.

— Я готова, — сообщила волкам, выходя наружу.

— Тяна, — беспомощно прошептала нянюшка, протянув ко мне руки.

Я подбежала к ней и упала на колени, благодаря за те годы, которые она была рядом, растила меня, не давала сгинуть, светлой тенью освещала мой путь.

— Спасибо, — прошептала, целуя морщинистые руки.

— Пусть хранит тебя Сайрон, — произнесла она, касаясь моего лба большим пальцем, словно хотела оставить отпечаток, провела по бровям, рисуя дуги, тихо дунула в нос. — Пусть его благодатный огонь коснется твоего сердца и согреет в самый трудный момент.

Я вытерпела все это молча и даже не поморщилась.

— Спасибо. Я вернусь за тобой. Обязательно вернусь.

— Будь осторожна, помни, чему я тебя учила. И не гневи богов, им лучше знать, куда тебя вести и какие препятствия создавать.

— Я понимаю.

Я понимала, но не одобряла и не прощала.

Боги уже десять лет были для меня мертвыми идолами в храме. Я давно утратила веру и вернуть ее не могла.

Путь до столицы Империи занял около шести часов, и то благодаря грифонам.

Увидев эти огромные, гордые создания на небольшой деревенской площади в окружении любопытной толпы, которая дергалась и вздыхала от каждого движения летучих существ, я на мгновение застыла, почувствовав давно забытое волнение.

Столько лет прошло с тех пор, когда в последний раз катались на грифоне! Но я не забыла.

Белоснежные мягкие перья под ладонями; крепкие сильные руки отца, который держал меня в седле, не давая упасть; тревожная улыбка мамы — она так боялась за меня и просила отца повременить с полетами; ветер в волосах, ощущение полета, напряженные мышцы грифона подо мной и счастливый смех, срывающийся с губ.

— Чего встала? — последовал грубый толчок в спину, от которого я едва не упала и еще сильнее прижала узелок с вещами к груди.

— Видать, оторопела от счастья, — хохотнули другие волки.

— Или со страху.

— Молчать! — выкрикнул командир, заставив их прекратить разговор, а меня вздрогнуть. — А ты иди сюда. — Мужчина подошел к одному из грифонов со светло-бежевым оперением и коричневыми крыльями, похлопал по сиденью рядом с собой.

Выбора не было. Я чувствовала взгляды жителей деревни, слышала их смешки и гул голосов. Как же им не терпелось обсудить эту новость! «Проклятая!» — крикнул кто-то из толпы.

— Пособница Темного бога! — тут же подхватил кто-то другой, но я даже не обернулась.

Надо же, как расхрабрились, раньше за ними такой прыти не наблюдалось. Они даже в глаза мне боялись смотреть, считали, что могу проклясть и украсть душу.

— Проклятая! Проклятая!

Мужчина недовольно оглядел толпу и бросил коротко:

— Разогнать.

— Да, капитан Урли.

Когда через десять минут мы взлетали с площади, на ней никого не было.

Путь оказался сложным и тяжелым. Солнце припекало голову, а злобный ветер на высоте грозился сорвать с седла; при-

ходилось крепко держаться и молчать, даже когда было страшно. К концу полета я не чувствовала своего тела, руки онемели, меня трясло. Но я молчала, даже в туалет не просилась, дождалась привала в середине пути.

Столица нисколько не изменилась за прошедшие годы. Все так же много блеска, шума и контрастов. Богатые дома и особняки с красными крышами соседствовали со зловонными трущобами. Блеск и нищета, отчаянье и фальшивое счастье. В центре древнего города располагался огражденный магической завесой белоснежный дворец императора с золотым шпилем на самой высокой башне, ярко блестящим на солнце.

Мы приземлились у одного из трех охраняемых входов во дворец, который со всех сторон окружали казармы.

— Тьяна Абремо, — доложил Урли, передавая меня из рук на руки.

В прямом смысле этого слова. Ноги так отекли и болезненно ныли, что я едва не упала на землю. Но меня вовремя успели подхватить стражники.

— Куда нести? — растерянно спросил один из них.

— Внутрь, — ответил волк, направляясь к казарме. — Ее ожидает мадам Силс.

И меня понесли. Я даже не пыталась смотреть по сторонам — и так знала, что увижу: бесконечные зеленые сады, полные диковинных цветов и растений, ухоженные газоны, мощеные дорожки, беседки, статуи из белоснежного мрамора и фонтаны с неглубокими чашами. Поэтому предпочла закрыть глаза и сосредоточиться на собственных ощущениях.

— Это что? — раздался рядом противный женский голос.

— Тьяна Абремо, — сообщили неизвестной, и меня все-таки поставили на землю. — Сказали вам доставить.

В этот раз мне удалось устоять на ногах. Откинув с лица влажные от пота волосы, я взглянула на женщину. Дородная, невысокая, с двойным подбородком и лицом, густо намазанным белилами, с алыми губами, черной мушкой на щеке и густо накрашенными ресницами, которые делали ее глаза-пуговики совсем маленькими.

— Какое убожество.

Я равнодушно пожала плечами. Кто бы говорил.

— В купальню ее, быстро.

Тут же со всех сторон меня окружили десять прекрасных девушек-банщиц. Они отобрали узелок с вещами и слаженно дви-

нулись вместе со мной в сторону больших одноэтажных павильонов, которые располагались с левой стороны.

— Быстрее, быстрее, — пыхтя, командовала мадам Силс, следуя за нами.

Стоило войти внутрь и ступить на пол, покрытый гладкой плиткой, как с меня без лишних разговоров стали стягивать одежду, она рвалась, превращалась в жалкие лохмотья и падала на пол. Когда на мне не осталось ни единого клочка, а волосы были распущены и упали на плечи и грудь, меня подтолкнули к небольшому бассейну, совсем крохотному и неглубокому.

— Залезай.

Кулон никто не трогал. Я видела, как дружно переглянулись банщицы, изучая золотое Древо, как вглядывались в лицо, пытаясь понять, каким образом такой, как я, он достался, но молчали.

Меня скребли и терли мочалками так сильно, словно хотели содрать кожу. Выливали на волосы шампуни, снова и снова заставляли окунаться в бассейн с головой. И опять терли, мыли и пенили. От слишком резкого запаха стало трудно дышать, от голода сводило желудок.

— Ныряй, — скомандовали служанки, и я послушно погрузилась в воду, чувствуя, как теплая вода болезненно пощипывает израненную кожу.

Когда я вынырнула на поверхность, стерла влагу с глаз и отдышалась, не сразу поняла, что обстановка изменилась. Служанки, которые до этого вполголоса переговаривались между собой, замолчали, стало как-то тревожно.

— Ваше высочество, вам не стоит... — любезно щебетала мадам Силс, пытаясь угодить гостю или гостье.

Я дернула головой, обхватила плечи руками и попыталась хоть как-то укрыться от любопытных глаз. Хорошо в бассейне было много пены, я погрузилась в воду почти по подбородок и только потом решила посмотреть на вошедших.

— Так вот ты какая, — медленно произнесла одна из самых красивых девушек, которых я когда-либо видела.

Светлокожая от природы, с легким естественным румянцем, которого не добиться искусственно, с ямочками на щеках и золотистыми локонами, украшенными драгоценными камнями. Ярко-синие глаза презрительно меня рассматривали, стараясь не упустить ни одной детали.

— Дочь той самой Микеллы Абремо, — продолжила она.

Голос у нее был под стать внешности: тихий, мелодичный и очень красивый.

Но я продолжала упрямо молчать. Принцесса Этель нисколько не изменилась за эти годы. Все такая же раздраженная злобная кукла. Я помнила, как она расцарапала мне до крови лицо, когда я отказалась отдать ей свою игрушку.

— Ну, здравствуй. — Алые губы злобно искривились. — Сестричка.

Вот только этого мне не хватало.

— И сколько невинных душ ты успела сожрать на радость Темному богу, пока волки не привезли тебя сюда? — не дождавшись моего ответа, задала вопрос принцесса.

О, как она ликовала и гордилась своим превосходством, наслаждаясь мгновением, когда могла унижить меня и втоптать в грязь!

Я ведь отомстила ей тогда за царапины на лице, из-за которых болезненно ныла кожа и было сложно есть. Любое неловкое движение — и раны открывались и начинали кровоточить. Но и я не осталась в долгу. Прокралась в спальню, где отдыхала после обеда царственная особа, и отрезала ее золотистые кудряшки, которым когда-то очень завидовала. Не все, конечно, а только те, до которых смогла дотянуться. Но зато под самый корень, едва не захлебываясь от рвущегося наружу смеха.

От родителей мне тогда сильно досталось. Папа никогда не поднимал на меня руку, но в тот момент его глаза так горели, что я думала — еще немного, и он не выдержит. Остановила его мама. Бесшумно подошла сзади, обняла и что-то тихо прошептала на ухо. Всего пару слов, но это помогло, и я отделалась тем, что меня на месяц лишили сладкого. Это меня нисколько не огорчило. Месть была намного слаще.

Он этих воспоминаний ко мне вернулась уверенность.

Хмыкнув, я начала медленно подниматься и встала в полный рост. Вода была мне по пояс, холмики груди, которые не смогли скрыть волосы, обнажились. Тонкие ручейки стекали по лицу, шее и груди, терялись в мутной мыльной воде. Я слегка наклонила голову, исподлобья изучая солнечную принцессу, оскалила зубы в жесткой усмешке и тихим, глухим голосом заинтересовалась:

— Ты хочешь предложить свою душонку?

Нельзя так шутить, опасно и неблагоразумно, но удержаться я не смогла и с удовольствием наблюдала, как вытянулось лицо Этель, как она дрогнула, отступила на шаг назад.

Я знала, что принцесса в курсе того обмана, который сломал мою жизнь, но все равно девушка отшатнулась, оступилась, снедаемая страхом, который усилили тихие вскрики служанок, метнувшихся от меня, как от прокаженной. Отчасти именно такой я и была. И давно научилась пользоваться этим себе во благо.

— Тебе не запугать меня, отродье. Огонь Сайрона на моей стороне!

— Отродье? — насмешливо переспросила я, вода подушечками пальцев по воде и разгоняя пену на сотни мелких пузырьков. — Разве не ты только что назвала меня сестрой?

— Дочь клятвопреступников не может быть мне родственницей, — фыркнула принцесса и окончательно взяла себя в руки.

Видимо, до этого момента служанки понятия не имели, кого им велели мыть, и сейчас тихий гул пронесся по купальне.

— Клятвопреступники...

— Дочь Абремо...

— Колдеры...

— Проклятая...

— Создание Темного бога...

— Проклятая... проклятая...

На их шепот я не обратила внимания, столько слышала таких разговоров за свою жизнь, что не пересчитать. В данный момент сосредоточилась на принцессе.

— Волки ведь не сказали, зачем император решил призвать такую, как ты? Конечно, не сказали. Никто не знает, лишь самые близкие к отцу люди. Пришло время платить по счетам, отродье. Теперь и ты послужишь благу Империи.

— И что это значит?

— Узнаешь. У меня нет права оглашать волю императора. Я просто хотела убедиться, что слухи не врут. Ты лишь жалкая тень своей матери...

Я вновь опустила в воду и лениво улыбнулась, наслаждаясь ее смятением. Ведь Этель, направляясь сюда, ждала другого. Думала, что время и невзгоды сломали соперницу, превратили в затравленную деревенщину. Но я сильнее, чем они думали. И еще докажу это, когда придет время.

— Расскажи же, что мне неизвестно!

— Дикарка. Безбожница.

— Это я тоже знаю.

— Посмотрим, как ты потом запоешь, — ледяным тоном ответила Этель, развернулась, подхватила парчовые юбки, украшенные золотой вышивкой, и удалилась прочь.

За ней стремительно ретировались остальные слуги, последней выползла мадам Силс. Она посекудно оглядывалась, испуганно вздыхала и сжимала в потной ладошке охранный кулон.

Никто не хотел касаться проклятой. Страх потерять душу был слишком велик. Последние годы, что я провела в городке, к начальнику полиции чуть ли не каждую неделю приходили жалобы с требованием отправить в тюрьму приспешницу Темного. И каждый раз он давал обещание, что обязательно разберется, приходил к нам и просил меня вести себя прилично.

— Арестовать я вас не могу, сами понимаете. Это приказ сверху. Но народ у нас простой, могут и самосуд учинить. Так что не провоцируйте их, Тьяна.

— Я не провоцирую, они просто меня боятся.

— И вы этим упиваетесь.

Прав оказался старый начальник. Не прошло и недели, как меня попытались затащить в кусты. Чтобы насильничать, а потом придушить и выставить бездыханное тело на всеобщее обозрение на городской площади.

Мне чудом удалось выбраться, и то благодаря тренировкам и умению управляться с ножом.

Я, пытаясь смыть пену, вновь с головой окунулась в мыльную воду. Но она была слишком грязной и жирной.

Передо мной встала проблема — что делать дальше. Ни полотенец, ни тем более халата мне не оставили. Мое единственное платье превратилось в жалкие лохмотья. Был еще комплект белья, но не могла же я в нем ходить! Оставалось ждать. Но сидеть в неглубоком бассейне в мыльной воде — то еще удовольствие. Ни поплавать, ни вымыться, ни отдохнуть.

Оглядевшись, я увидела в соседнем зале еще одну купальню, только бассейн был побольше и вода чистая. А еще там вроде бы никого не наблюдалось.

Думала я недолго. Выбравшись из своей купальни, стрелой переместилась в другую и с наслаждением нырнула, разбрызгивая воду.

Оказавшись на поверхности, с удивлением вытерла лицо.

Соленая? Откуда здесь морская вода? И, самое главное, зачем? Неужели очередное новомодное веянье среди аристократов? Чего только не придумают со скуки.

Если честно, мне было все равно, какая вода в бассейне. Самое главное — большие размеры купальни и глубина.

Я так увлеклась водными процедурами, что не сразу почувствовала чужое присутствие. Это было очень странно. Жизнь научила меня реагировать на каждый шорох, косой взгляд и просто вздох. Но не в этот раз.

Сначала я ощутила прикосновение к ногам. Словно огромный морской зверь проплыл подо мной, задев своими плавниками.

Дернувшись в сторону, осмотрела прозрачное дно, пытаясь понять, что же меня потревожило.

С Этель станется подбросить какого-нибудь гада. Нет, ничего. Кроме меня, в бассейне никого не было.

— Странно, — пробормотала, продолжая удерживаться на плаву.

В следующую секунду почувствовала прикосновение к плечу и спине, а затем к бедру. Сопровождалось все это ласковым шепотом неизвестно откуда взявшихся волн.

— Кто здесь?!

Краем глаза заметила движение у темной ниши и повернулась всем телом. Там точно кто-то был. Несмотря на солнечный день, я смогла разглядеть лишь контуры сильного мужского тела и тяжело сглотнула, понимая, какое у меня сейчас невыгодное положение.

— Кто вы такой?

ГЛАВА ВТОРАЯ

Тьяна

Снова шорох, на этот раз сзади, возле входа. Кто-то явно пытался обойти меня с тыла. А если он не один? Если их много? А я без одежды, оружия и хоть какой-то защиты посреди глубокого бассейна... но моя интуиция спала. Словно это был и не человек вовсе.

Неужели сам Темный? Надоело ему, что я прикрываю его именем свою израненную душу, и пришел покарать глупую девчонку. Легенды говорят, что в темном остроге дева может

жить веками, ублажая своего властелина. А если натворит что-то, кара будет так велика, что смерть покажется избавлением. Воображение рисовало образ жуткого чудовища, нагоняющего страх на каждого, бездушной твари, желающей только одного: убивать и крушить все подряд.

На груди полыхнул жаром кулон, и я, не думая, накрыла его ладонью. Надо же, в первый раз за десять лет отозвался. Я думала, остыл давно, ведь обряд третьей ступени жизни мне так и не дали пройти.

И вроде бы надо радоваться, но не получилось. Что же могло разбудить кулон, что такое страшное он почувствовал? Кто тот человек, стоящий в нише и пристально меня изучающий? Я отчетливо чувствовала его взгляд, пробирающий до самых костей.

Страх ледяной волной прошел по позвоночнику, и я едва не выпрыгнула, услышав:

— Вот ты где!

Ко мне, обливаясь липким потом, который стекал некрасивыми ручейками, смывая весь броский макияж, спешила мадам Силс.

— Ты посмотри, куда забралась! Расхозяйничалась тут, как у себя дома. Быстро вылезай!

— Вы сами меня бросили, — ответила ей и снова посмотрела на нишу, которая на этот раз оказалась пуста.

Исчез? Но когда? Почему я этого не почувствовала?

— Ты еще поскандаль мне! Кому сказано, вылезай. Не для тебя тут все приготовлено. А если узнает кто? Мало ли что этим дикарям в голову придет? А может, и надо тебя им оставить, наигрались бы с тобой, покорнее стала бы.

— Каким дикарям? — переспросила, выбираясь из бассейна и кутаясь в широкое полотенце, принесенное брезгливо осматривающей меня женщиной.

— Делегация во дворце гостит с острова Каросса.

— Каросс? — удивилась я.

К сожалению, после смерти родителей я лишилась не только дома, но и учителей, и старинной библиотеки отца. Одной из самых больших в Империи. Моим воспитанием занималась няня, которая старалась, как могла, в меру своих способностей. Именно она рассказывала легенды и сказки нашего мира. Став старше, я начала пропадать в небольшой библиотеке на неско-

лько сотен томов, которая располагалась в ратуше. Но даже этого хватило, чтобы я вспомнила название.

Каросс — большой остров на юге Империи, крохотная точка в водах Великого океана. Беспоконная и независимая провинция, которая наотрез отказывалась беспрекословно подчиняться кому бы то ни было. Остров, живущий по своим законам и правилам, игнорируя всех вокруг. Я видела картинки в большом географическом словаре, читала язвительные комментарии автора книги о быте, одежде и нраве островитян, которые оказались непохожими на имперские. Но в этом и была их прелесть.

А теперь островитяне в Империи. Целой делегацией. Почему мне показалось, что именно это — причина моего приезда во дворец?

Отдадут в жертву? Сомневаюсь. Не для этого император оставил меня в живых десять лет назад.

— Быстрее, шевелись давай. Повелитель ждать не будет.

— Император? — Я пошла следом за женщиной в первый зал и подхватила с пола свой узелок. — Разве аудиенция назначена на сегодня?

— Она состоится сейчас, — рявкнула придворная, обмахивая себя платком. В купальне было жарко, и мадам едва дышала. — Как только мы тебя оденем и приведем в порядок. Хотя это очень сложно.

Это было странно. Я думала, что меня продержат здесь пару дней, заставят сходить с ума от страха и гадать, какая участь мне уготована.

Меня провели в какую-то комнату, находящуюся совсем недалеко от купален. Отдельный вход, небольшая терраса и милая спальня в лимонно-зеленых тонах.

Там уже ждали три девушки-служанки. Не те, что помогали купаться, а другие, они еще не знали, кто я.

Девушки помогли надеть белье, нижнюю юбку, которая оказалась такой широкой, что едва можно было ходить. Зашнуровали корсет, и я с трудом смогла дышать. Надели дорогое платье с золотой вуалью — оно так сдавило грудь, что та стала почти плоской.

Как только с одеждой было покончено, слуги взялись за прическу и макияж.

Лицо обсыпали белой пудрой, пытаюсь как-то скрыть мою обветренную загорелую кожу, которая никогда не знала масок,

кремов и прочей ерунды. Нарисовали губы и глаза, нацепили мушку. Закрутили волосы щипцами, едва не подпалив кожу. В конце этого обряда, больше похожего на пытку, обсыпали золотистой пудрой грудь, лицо и волосы.

Смотреть в зеркало я отказалась. И раньше не была красавицей, а сейчас, наверное, просто кошмар. Но в стиле императорской аристократии — блеск и фальшь во всем своем великолепии.

— Сделали все, что могли, — сообщила мадам Силс, скривившись.

Ее мой внешний вид тоже не впечатлил.

— А теперь быстрее, император не любит ждать.

В глубину дворца меня повел один из лакеев в белоснежной форме с алыми эполетами и нашивками, напоминающими кровь. Бесконечные коридоры, проходные залы, мраморные лестницы, множество гобеленов, ковров, золото и блеск, от которых слепило глаза. А еще очень много слуг, снующих туда-сюда.

Туфли, что мне вручила мадам Силс, страшно давили, каблуки были слишком высокими, и к концу пути я едва поспежала за слугой. Еще немного, и попросила бы сбавить темп и дать мне передохнуть. Корсет впивался в ребра, с каждым шагом становилось труднее дышать, от пудры чесалось лицо.

— Ожидайте здесь, — произнес мужчина, открывая передо мной дверь.

Я вошла внутрь, сделала пару шагов и застыла статуей, задыхаясь от боли и отчаяния, которые обрушились на меня лавиной.

Прямо напротив двери на стене висел огромный портрет одной из самых красивых женщин нашего мира. Прекрасная дриада с волосами цвета лунного серебра, манящими коралловыми губами, белозубой улыбкой и бездонными глазами, которые могли поспорить яркостью с зеленью Великого леса.

На ней было легкое белоснежное платье, не скрывающее обнаженных лодыжек. Ноги погружены в ручей. Я видела крохотные капельки влаги на ее коже. Казалось, что время остановилось, еще немного, и девушка сойдет с картины, чтобы поприветствовать меня.

Именно такой я ее запомнила, именно этот образ хранила в сердце. Самая красивая дриада, один взгляд на которую мог свести с ума.

Герцогиня Колдер.

Моя мать.

Надо же, как один портрет может лишить покоя, сбить с толку, внушить неуверенность и взвинтить до предела!

Император ничего не делал просто так. Никогда. И то, что меня привели именно сюда, в эту комнату, тоже было неспроста.

Что он хотел сказать этим портретом? Что та безумная страсть никуда не делась? Или — что знает все о нашей жалкой попытке спастись?

Я продолжала смотреть в лицо матери, еще счастливой, не знающей, что ее ждет.

Весь мир словно исчез, я забыла о боли, тугом корсете, неудобных туфлях. Просто смотрела, заново знакомясь с дорогими чертами, вспоминая ее тихий смех, улыбку и нежные объятия. То, чего меня лишили.

Мне было известно, когда и по какому случаю создали этот портрет. Подарок верховной жрицы младшей сестре — женщине, которая оказалась слишком своевольной, чтобы следовать чужой указке, и пошла за любовью, не ответив на страсть человека, против которого не могли выстоять даже сильнейшие этого мира.

Пойти против всех, чтобы умереть в один день с любимым. Вместе.

Жалела ли она о своем выборе? Нет. Никогда. Даже тогда, в самый последний момент, крепко обнимая, она шептала, что любит меня, и просила жить. За себя, за нее и за отца.

А жила ли я? Существовала, боясь лишний раз вздохнуть, ожидая прихода «красных волков» и объявления воли императора, который вроде бы забыл обо мне на десять лет. Постоянная тревога и смирение. Даже сейчас я ничего не могла ему противопоставить.

Убить его — не получится, Око Сайрона бережет своего сына. Убить себя? Наверное, только это и останется. Быстро, резко, уходя от жутких пыток и надругательств.

Я вздрогнула, прогоняя страшные мысли.

Еще ничего не известно, а я уже хороню себя.

Едва слышно скрипнула дверь, нервы натянулись до предела. Как только император сделал первый шаг, я упала на колени, смиренно склонила голову и задержала дыхание, вслушиваясь в каждый шорох.

Каждый шаг, словно удар сердца, которое так громко билось в груди, что оглушало. Столько лет я ждала и боялась этой

встречи. Надеялась и оттягивала. А теперь смиренно ожидала приговора.

Потерять меньшее, чтобы получить большее.

Я верила в это. Вера — это все, что мне осталось.

Он подошел совсем близко — я видела кончики его дорогих туфель из дубленой белоснежной кожи, украшенные драгоценными камнями, — и замер, изучая мою макушку.

Это длилось всего пару секунд, показавшихся вечностью. Император резко схватил меня за подбородок, заставил поднять голову и показать ему свое лицо.

Подчинилась, но в глаза не смотрела, сосредоточилась на вазе за его спиной. Замерла, давая возможность внимательно осмотреть меня. Пристально, жадно.

Едва слышное проклятье сквозь сжатые губы, и император принялся стирать белоснежным рукавом пудру и краски с моего лица. Быстро, раня кожу, пытаюсь разглядеть за этой маской меня настоящую.

А я терпела и ждала.

Стер, добился своего и теперь изучал результат.

Вечность в паре ударов сердца. Наконец мужчина с шипением оттолкнул меня и отшатнулся. Это произошло так неожиданно, что я едва не упала, но успела вовремя опереться на руки и впервые взглянула на него.

Гордый императорский профиль был выбит на всех монетах, его статуи стояли в каждом городе, а портреты украшали площади во время великих праздников. Но в реальности он производил совсем иное впечатление. Высокий, уже оплывший, утративший былую жилистую фигуру. С небольшим брюшком, которое не смог скрыть даже широкий халат, расшитый золотыми нитями, сплетающимися на белой ткани в изображения огненных птиц.

Время не пощадило его, когда-то густые черные волосы поредели и засеребрились на висках. Пухлые влажные губы, короткая окладистая борода, крючковатый нос и темные, почти черные глаза. Они сейчас так пристально смотрели на меня, что страх вновь поселился в сердце.

Неужели догадался, и все было зря, а мамина жертва оказалась напрасной?

Мне хотелось сбежать, но я усилием воли заставила себя застыть на полу. Бегство — это не выход, далеко уйти все равно не дадут.

— Так похожа... и такая другая, — наконец произнес мужчина. Молчать, держаться, ни словом, ни взглядом не выдавать истинных чувств.

Он прав.

Похожа на мать и не похожа одновременно.

Будто взяли ее совершенное лицо и провели по нему губкой, стирая краски, смазывая черты, лишая их притягательности и красоты.

Светло-карие, почти желтые глаза, прямой нос, обычные губы (не пухлые и не тонкие), прямые, совсем не пышные русые волосы. Безликая девушка, каких много в этом мире. Не уродина, но и не дочь одной из самых красивых супружеских пар Империи.

Проклятье за грехи родителей. Только мы оба знали правду.

Мужчина отвернулся и, чуть пошатываясь, подошел к столу, налил вино в бокал, который тут же осушил парой глотков, стоя ко мне вполоборота.

Я видела, как алые капли стекали по бороде, оставляя разводы на белой рубашке. Он пил и смотрел на портрет — зло, отчаянно.

— Вставай! — не оборачиваясь, процедил император.

Подчинилась, поднялась и вновь склонила голову.

— Я пощадил тебя десять лет назад, хотя мог бы отправить на казнь вслед за родителями. Пора отдавать долги. Ты слышала о гибели моей сестры и ее дочери полгода назад?

Кивнула, не решаясь произнести ни слова. Эти смерти наделали много шума. Нападение диких ящеров во время дипломатической миссии, последовавшие за ним стычки на границе и нависшая над миром угроза новой войны, раздуваемой жаждущими кровавых жертв правителями.

— Ты займешь место Маргузы, — произнес мужчина, называя имя погибшей племянницы. — Ведь, несмотря на предательство Арнольда, в тебе все еще течет императорская кровь.

Он снова начал пить. Глотал вино, как воду, и смотрел на мамин портрет. Словно ожидал, что тот сейчас оживет и остановит его. Но мама молчала и с улыбкой глядела на нас. Вот только улыбка больше напоминала оскал.

— Во дворце находится делегация с острова Каросс, у нас давнее соглашение, которое сейчас особенно важно. Империи нужны союзники в грядущей войне. Ты станешь залогом будущего и даром прошлого.

Я продолжала молчать, зная, что следующая фраза мне не понравится.

Император повернулся, на его когда-то красивом лице играла безумная улыбка.

— Выйдешь замуж за главу их дипломатической миссии.

— Замуж, — хрипло повторила я, забыв обо всем на свете, и об осторожности в том числе.

Конечно, как бы мне ни было трудно, я, как и любая девушка, думала о том, какой будет моя жизнь. Даже пару раз позволяла себе помечтать, как некая неведомая хворь свалит императора и его детей, а на трон взойдет кто-нибудь другой (очередь была большой и весьма разношерстной, когда-то в ней имелось место и для меня). Родителей оправдают посмертно, меня оставят в покое, и жить станет легче. Но даже в самых смелых фантазиях я никогда не видела себя замужней. Семья, брак и тем более дети — не для таких, как я. Никто не захочет связывать себя с проклятой, несостоявшейся дриадой, связь с ней может обойтись слишком дорого.

И теперь эта новость — как гром среди ясного неба. Брак, да еще с островитянином, дикарем, которого ни разу в жизни не видела. Его мир и образ жизни были для меня загадкой, полной мрачных и интересных тайн.

— Надо же, оказывается, ты и говорить умеешь, — язвительно произнес император. — Еще немного, и я бы поверил, что ты немая. Да, замуж. У Империи с Кароссом древний договор, который выполнишь ты. Поверь мне, Тьяна, на тебя были другие планы, совсем другие. Но Сайрон решил по-своему. Маргуза мертва, Этель слишком важна, из ближайших родственниц остаешься лишь ты. Да, есть еще Ферроу, младшая сестра Маргузы, но ей всего десять, а долг надо отдать уже сейчас.

Долг? О каком долге он говорит? И как с этим связано мое происхождение?

Император молчал, ожидая ответа, который все равно ничего не изменил бы.

И что я должна была сказать? Упасть на колени с воплями: «Спасите, помогите, не хочу?!» Ведь если отбросить в сторону удивление, то уехать из Империи, из-под грозного ока правителя, даже хорошо. Больше шансов спастись. А муж... С ним можно будет договориться. Я очень на это надеялась, в конце концов, если он захочет заполучить наследника, ему придется пой-

ти на уступки. Пусть я не была дриадой, но два круга пройдено и условия соблюдены.

— На все ваша воля, мой повелитель, — ответила приглушенно.

— Смиришься и даже не станешь возражать?

— Моя жизнь в ваших руках.

К моему большому сожалению.

Стакан с грохотом опустился на стол, что заставило вздрогнуть и еще сильнее напрячься. Сейчас можно было не прятать эмоции и чувства.

— Я помню, какой ты была десять лет назад. Независимая, своенравная и непокорная. Помню, как разбила нос Ремалю и отрезала волосы Этель. Не боялась моего гнева и гнева родителей.

— Годы меняют каждого.

Как и испытания, выпавшие на долю восьмилетней девочки. Жизнь впроголодь, в холоде, в жутких условиях. То, что должно было сломать, уничтожить. Или закалить, как сталь.

Страшно подумать, что бы со мной стало, если бы не няня, которая на свой страх и риск решилась остаться с опальной племянницей императора.

— Но кровь Сайрона сильнее. Кровь, текущая в твоих жилах.

Кровь? Что она дает, кроме неприятностей?

— Ее слишком мало, — ответила я. — У меня нет титула, родов и положения. Нет ничего. Я обычная жительница Империи, которая готова служить своему повелителю.

Мужчина приблизился, вновь схватил меня за подбородок, впился ногтями в кожу.

— Почему я не верю тебе?

— Не могу знать. А вы уверены, что посол захочет взять в жены дочь предателей?

— Ему важна лишь твоя кровь.

Снова кровь. Никогда не слышала, чтобы она что-то значила, и родители никогда не упоминали о ее особенностях, больше говорили о роли дриад в моей жизни.

Интересно, почему в голове сразу возникли картинки кровавого обряда? Мое обнаженное тело на жертвенном камне и алые брызги вокруг. Хотя книги утверждали, что учение Каарха не признает кровавых жертв, но мало ли что островитяне творят за закрытыми стенами своих замков...

— А как же проклятие? — попыталась отказаться от почетной должности жертвенного агнца.

— Я буду рад, если Сандёр падет от его силы и умрет в страшных муках, — равнодушно ответил мужчина, отпуская мой подбородок и снова подходя к столу. — Но ведь смысл проклятия не в этом.

Сандёр. Значит, так зовут моего будущего супруга.

— Свадьба состоится сегодня на закате. Тебя подготовят к обряду.

Надо же, какая поспешность. Чтобы я не сбежала или он?

— И я должна буду уехать с мужем на Каросс? — осторожно поинтересовалась, смирившись с неожиданным будущим. По крайней мере, на время.

— Да, и провести там остаток своих дней.

— Я могу взять с собой няню?

Вопрос сорвался с губ прежде, чем я поняла, что делаю.

— Няню? — удивленно переспросил император, разворачиваясь ко мне.

— Да. Хельга Тойс, та женщина, которая растила меня.

— Ах, эта. Зачем она тебе?

Темные глаза зловеще вспыхнули на смуглом лице. Как же хотелось замолчать, но было уже поздно. Я сама виновата в том, что проболталась. Новость о браке так удивила, что я забыла об осторожности, и вот результат.

— Она моя семья.

— Семья, говоришь? — улыбнулся император, и я едва не застонала от ужаса, окончательно поняв, как сильно ошиблась.

Дура! Нельзя было открывать ему свои карты. Нельзя было показывать слабое место, по которому можно ударить. Я сама дала ему в руки нити, за которые меня можно дергать как марионетку.

— Она останется здесь. А если ты хочешь, чтобы твоя нянька была живой, здоровой и жила в богатом доме с кучей слуг, сделай то, что я скажу.

Ради нее я была готова на многое, если не на все.

— И что я должна сделать?

— Убить Сандера ты все равно не сможешь, твоя участь предрешена. Но вот рассказывать мне, что творится на острове, сможешь.

Из его фразы я узнала сразу две важные вещи. Первая — у меня уже есть какая-то предрешенная участь, видимо, не очень

радостная, а вторая новость состояла в том, что в живых меня в любом случае оставят. Мертвые — плохие доносчики.

— Вы думаете, мне позволят отправлять вам сообщения и никто не заметит? Сомневаюсь, что будущий муж не предвидит такой возможности.

— Он не так всемогущ, как считается. Так ты согласна?

Этот вопрос столь часто задавался сегодня, что я потеряла счет этим «согласна».

— Мне нужны гарантии, что с няней ничего не случится.

— Даю слово.

И он думает, я ему поверю, особенно после того, что произошло? Слово? Он уже не раз нарушал его и будет нарушать дальше.

— Слово императора, которое можно легко дать и легко забрать назад, — произнесла я и покачала головой. — Нет.

— Надо же, как ты заговорила, сбросила маску деревенской дурочки. Я читал отчеты о тебе. Так что играла ты зря. Я знаю, какая ты.

Подозревала ведь, что за мной следят, но не думала, что императору так интересна моя жизнь. Ведь ничего примечательного в ней не было. Сплошное выживание.

— Я ведь могу заставить тебя действовать по своему желанию, — перешел повелитель к угрозам.

— Можете, но сегодня к закату послу нужна жена с императорской кровью. Живая и здоровая. Да, я буду сообщать вам о ситуации на острове, но при этом должна быть уверена, что с няней все хорошо. Что она жива, здорова и ни в чем не нуждается.

— Торгуешься?

— Пытаюсь выжить, как выживала все эти годы.

— Что Микелла сделала с тобой? — вдруг резко спросил император, снова сменив тему разговора и прищурившись. — Это ведь твоя мать прокляла тебя.

— Предательство и почитание Темного бога.

— Мы с тобой оба знаем, что Арнольд не участвовал в заговоре, — оборвал он, прекратив игру.

И фактически признался в том, что осознанно замучил ни за что в Башне смерти, а потом казнил своего брата и его жену на глазах маленькой дочери. Сбросил маску и предложил мне сделать то же самое.

— Столько лет прошло, — пошла на попятную, не желая обсуждать эту историю.

Еще неизвестно, куда заведут такие откровения. За сомнения в справедливости императора и закона казнить могут. И пусть разговор начал император. Главное, как на него реагировать.

«Следи за словами, Тьяна... следи».

— Я была совсем ребенком, — быстро продолжила, не дожидаясь его ответа и новых откровений. — Всего восемь лет.

Восемь лет и один день.

«Красные волки» пришли, когда праздник по случаю моего дня рождения еще не успел отгреметь. Этот жуткий контраст не давал мне покоя и сейчас.

В тот день на мой праздник были приглашены не только отпрыски знати, поместья которых находились недалеко от нашего замка, но и дети слуг и арендаторов, с которыми я прекрасно ладила и играла целыми днями. Конечно, многим это не нравилось, но спорить с герцогиней мало кто решался.

— Помни о том, что все мы создания богов, — говорила мама, присаживаясь передо мной на колени. — У всех есть чувства, желания и мечты вне зависимости от положения и статуса. То, что здесь, — она осторожно положила ладонь туда, где билось мое сердечко, — намного важнее блеска золота и драгоценных камней.

Я до сих пор помнила вкус того торта с воздушным кремом из взбитых сливок, нежным бисквитом и вишневой прослойкой с легкой кислинкой. Помнила, как сладкая шипучка горела на губах и во рту, щекотала нос и пузырилась в бокалах, а мы смеялись — громко, заразительно. Помнила гору подарков в блестящих коробках с огромными бантами, которые мне так и не удалось открыть. Папа нежно обнимал маму, и они с улыбками наблюдали за шумной бегающей детворой.

— Но ты не забыла.

— Факт участия в Заговоре пятнадцати был доказан. Суд вынес приговор, который привели в исполнение.

Император коротко рассмеялся, не желая оставлять опасную тему.

— Суд? Ох, Тьяна, хватит играть, я все знаю. Ты ведь ненавидишь меня и много лет вынашиваешь план мести. Хочешь убить.

— Это невозможно, — спокойно отозвалась, не пряча взгляда.

— Да. — Мужчина коснулся груди там, где было надежно скрыто под одеждами Око бога. — Эта вещь все усложняет, не

так ли? Ты ведь не ответила на мой вопрос, Тьяна. Что Микелла с тобой сделала?

— Не знаю, — пожала плечами. — Почти не помню те дни. После их ареста я две недели пролежала в горячке. Все считали, что я не выживу. Лишь молитвы и помощь няни вернули меня из-за грани. А когда пришла в себя, оказалось, что болезнь забрала мою внешность, украла краски жизни, сделала такой.

Серой, безликой, пустой. Один взгляд на меня побуждал мужчин против воли морщиться и отворачиваться. Не потому, что так уродлива, из-за проклятия.

«Прости меня, милая. Ты поймешь, я верю, что поймешь. Так надо... он не остановится. Страшный, жуткий человек... Я должна тебя уберечь. Пусть так, но должна... Помни, что все-му есть причины. Все можно вернуть...»

— Лжешь, — вырвал меня из воспоминаний голос императора. — Но это уже не важно. Возвращайся к себе в комнату. Тебя проводят. Документы скоро будут готовы. Их принесут перед обрядом и дадут внимательно ознакомиться.

— Да, мой повелитель. — Я попятилась назад, путаясь в длинной юбке и шатаясь на неудобных каблуках.

Развернулась и поспешила к двери, желая оказаться как можно дальше от этого человека.

— Тьяна, — его голос нагнал, когда я почти вышла, — помни, что даже на Кароссе я смогу найти тебя. У меня хватит людей и возможностей для того, чтобы тебя уничтожить, прежде чем искупать в собственной крови старую няньку. Так что не думай, что сможешь обмануть меня, скрыться и зажечь счастливой жизнью. Я тебе не позволю.

Я знала.

За дверью ждал все тот же лакей. Он молча проводил меня в комнату с большой террасой и окнами на императорский сад и так же беззвучно удалился.

В комнате никого не было. Надо же, они совсем не боятся, что я сбегу или что-нибудь с собой сделаю.

На столике стоял большой поднос, заставленный тарелками с едой. Призывно заурчал желудок, напоминая, что мне сегодня не удалось толком поесть. Ту жидкую кашу на воде, сваренную для себя и няни, трудно было назвать едой.

Прежде чем накинуться на обед, я сбросила туфли (платье из-за корсета и шнуровки на спине самостоятельно снять было невозможно), проверила блюда на яд и наркотики.

До заката оставалось часа четыре.

Утолив голод, но постаравшись не переедать — так и желудок заболеть может — вытерла руки о белоснежную салфетку и забралась в постель. Кожа на лице еще чесалась, хотя не так сильно, и я безжалостно сняла остатки пудры рукавом платья.

Перина оказалась очень мягкой и так отличалась от твердой лавки, на которой пришлось спать последние годы, что я с тихим стоном вытянулась, наслаждаясь блаженством.

Сложив руки на животе, устала в потолок, пытаюсь понять, как жить дальше. Только выбора не было. Свадьба состоится, хочу я этого или нет. Сбежать не получится, да и некуда мне бежать. Стоит только шагнуть за пределы дворца, как тут же объявят в розыск, пообещав круглую сумму за мою голову. Няню из лап императора мне сейчас не вытащить, поэтому придется следить за мужем в интересах повелителя. Как бы гадко это ни звучало.

Надо же, как быстро он все понял и обязал меня доносить в обмен на жизнь дорогого человека! Я была не настолько наивна, чтобы подумать о том, что это случайность. Нет, император знал, ведь он сам рассказал о докладах, которые изучал. Знал и ждал, когда я вспомню о няне. А потом поймал меня.

А я еще считала себя умной. Как, оказывается, легко меня вывести из равновесия и сыграть на чувствах!

Да, до императора мне расти и расти.

Примерно через час в дверь постучали, и в комнату вошел уже знакомый мне капитан волков Урли.

— Пакет от императора. Велено прочитать, выучить наизусть и уничтожить, — протягивая мне конверт, сообщил мужчина.

А вот и инструкция.

— Благодарю, — ответила, принимая послание.

Капитан кивнул и уже собрался уйти и закрыть за собой дверь, но неожиданно остановился:

— Завтра утром император сделает вам подарок. Свадебный. Разрешит выбрать одного из королевских грифонов. Не спешите... Дойдите до самого конца кормушек.

— Зачем? — спросила, не понимая, к чему и для чего эта информация.

Но Урли ушел, не проронив больше ни слова.

Закрыв дверь, я вернулась на кровать и открыла конверт.

Первой из него выпала небольшая золотистая бумажка с алым отпечатком. Королевское слово. То самое, которое нелегко забрать назад и сделать все по-своему. Даже уничтожив эту бумажку, клятву с императора я не сниму. Она останется до ее исполнения.

С меня такую клятву брать не обязательно. У него моя няня, а это дороже любого слова.

Еще там был шифр и адрес доверенного человека, которому я смогу передавать донесения. И — очень подробная инструкция на все случаи жизни.

Оставшееся время я провела, запоминая шифр, который оказался совсем несложным.

К моменту, когда служанки пришли готовить меня к обряду, я уже успела уничтожить все в камине, который пришлось разжигать самой.

— Пора, — произнесла мадам Силс, возникнув в дверях.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Тьяна

Брачное платье было традиционного красного цвета и представляло собой обычный отрез ткани с дыркой для головы. Держалось оно на тонких плечиках и большом металлическом поясе на талии. Бока и ноги были обнажены. Здесь даже белье не предусматривалось, платье надевалось на голое тело. Порыв ветра, и я могла остаться обнаженной.

Волосы заплели в тугую косу и сверху накрыли золотой вуалью, призванной скрывать лицо новобрачной. Вуаль держалась благодаря тяжелому венцу с огромным, прозрачным, как слеза, алмазом.

Ноги оставили босыми, но на них надели золотые браслеты, которые при каждом шаге тихо звенели, оповещая о приближении счастливой невесты.

По правилам меня должна была наряжать на свадьбу мама. Именно она должна была наложить на глаза зеленые тени, подвести их черным карандашом, сделав еще больше. Она должна была причесать меня и надеть на голову венец, едва слышно напевая ритуальные песни, желая мне счастья, любви, процветания и здоровых деток.

Все могло бы быть по-другому. Рядом не было бы недовольной мадам Силс, которая смотрела на меня, как на кусок грязи, не было бы этой звонкой напряженной тишины, нарушаемой лишь шорохом одежды.

А пройди я третий круг жизни у Великого Древа, проводился бы другой ритуал. Огненный бог отступил бы, отдав меня на милость Зеленому божеству Вечного леса.

К свадьбе меня готовили бы дриады — прекрасные лесные нимфы. Те, что могли жить вечно и оставаться красивыми долгие столетия, пока не встретят того, ради которого захотят отринуть прошлую жизнь и стать смертными, любимыми и счастливыми. Брак для дриады — великое событие, лишь истинная любовь могла заставить нимфу решиться на такой поступок.

Мои волосы украсили бы венком из ароматных хмельных цветов, тело облачили бы в тонкий белоснежный шелк, который почти не скрывал бы обнаженной кожи, коралловых вершинок груди и темного треугольника внизу живота.

Солнце уже зашло бы, и наш путь освещали бы лишь факелы и стайки крохотных светлячков. С избранником мы произнесли бы клятву у Великого Древа, густая крона которого уходит под самое небо. Жрица скрепила бы наш союз кровью и позволила провести первую ночь у корней Древа.

Там, в высокой траве, под звездным небом, скрытые от любопытных глаз, под песни сестер я стала бы женой того, кого любила больше всего на свете, даже больше жизни. Именно там мы дали бы начало новой жизни, зачав следующую дриаду, благословленную лесными духами и богом.

Проклятие и дар всех нимф — способность рожать лишь дочерей, послушниц Зеленого божества.

Но я не дриада, третий круг мне пройти так и не дали, чем обрекли на одиночество и боль.

«Не прощу ее! Никогда не прощу!»

— Пора, — громко произнесла женщина, вырывая из тяжелых воспоминаний.

Меня весьма грубо подтолкнули к выходу и повели в часовню, которая располагалась совсем недалеко.

Кого я точно не ожидала увидеть, так это стоящего у входа в храм наследного принца Ремаля. Встретившись с ним взглядом, я невольно замерла, почувствовав себя обнаженной и беззащитной, и придержала ткань на бедрах, не дав ей распахнуться.

— А вот и невеста, — фальшиво улыбнулся принц. — Здравствуй, дорогая кузина.

Говорят, его матерью была принцесса-ящер, которую двадцать лет назад император захватил во время похода и изнасиловал. Конечно, родство никем не подтверждалось, и любая мысль о подобном жестоко каралась. Официально Ремаль был сыном первой жены императора, которая умерла вскоре после родов, или ей помогли умереть, чтобы она не сболтнула лишнего. Ящеры являлись врагами, и наследник императора просто не мог оказаться одним из них.

Но, глядя в его темные глаза, я видела в их глубине красные всполохи. И это был не божественный огонь Сайрона, призванный дарить тепло и оберегать. Нет, это был безумный блеск навеки запечатанного внутри хищника.

Полукровки не могли оборачиваться. Именно поэтому ящеры отказались от принца, отдав его на милость завоевателю.

Но это тоже слухи. Доказать их правдивость никто не мог.

— Так это тебе выпала честь сопроводить меня к алтарю? — спросила, подходя ближе.

Он вырос и изменился. Из прыщавого сутулого подростка, который обожал дергать меня за волосы, щипать и подставлять подножки, Ремаль вырос в красивого худощавого мужчину с острым лицом, прямым носом и чувственными губами. Его чуть волнистые черные волосы, зачесанные назад, открывали высокий лоб.

Красив и порочен.

А еще очень опасен и коварен.

— Ты же наша родственница. По крайней мере, на ближайшие пару часов — для посла и его свиты. Раз отец будет проводить церемонию, на меня возлагается обязанность сопроводить тебя.

Я огляделась и внезапно поняла, что на площадке перед храмом мы остались совсем одни.

— Этель сказала, что ты утратила красоту и очарование дриад, стала блеклой тенью Микеллы, — всматриваясь в мое лицо и пытаясь пробраться взглядом под золотистую вуаль, произнес он и протянул руку, словно хотел сорвать с меня кисею.

От него удушливо пахло кровью — или это всего лишь игра моего воображения?

— Об этом все говорят.

— Проклята родной матерью. Сильнейший заговор из существующих, обратить его действие вспять не под силу никому. Интересно, зачем она это сделала?

— Не знаю.

«Хотела спасти от вас, от той участи, что ждала меня, когда я стану старше... От того, чего так и не смогли получить от нее».

— Император ведь показал тебе портрет Микеллы?

Я еще крепче стиснула ткань накидки, но не ответила. Ремаль усмехнулась:

— Запретная страсть. Дриада, что предпочла ему, вершителю судеб, незаконнорожденного брата. Отец ведь до сих пор ее любит.

— Мне об этом ничего не известно.

— Все его последние любовницы — зеленоглазые беловолосые девушки. Жрица до сих пор не потеряла надежды на союз, каждый год присылает новую дриаду. Они поговорчивее твоей матери.

Наверное. Родить дочь от императора, получить славу, деньги и почет. О чем еще можно мечтать? Разве что о любви.

— А какие надежды он возлагал на тебя, — вкрадчиво произнес принц, подходя ближе и поднимая вуаль.

Я замерла, позволив Ремалю увидеть мое лицо. С мучительным удовольствием наблюдала, как, ведомый проклятием, он отшатнулся и закрыл глаза.

— Значит, правда. Жаль. Давай руку, скоро закат, нас уже давно ждут.

Уже не боясь, я протянула ему ладонь и пошла следом.

Часовня была небольшая, но очень красивая. Стены, пол и конусообразный потолок из сверкающего белоснежного мрамора. Четыре статуи богов соответствовали четырем частям света и были созданы из мрамора соответствующих цветов — Красный бог огня Сайрон, Зеленый бог жизни Древ, Синий бог воды Каарх и Желтый бог неба Воргун. Не было здесь лишь пятого бога. Того, кого не стоило даже упоминать. Идолы Темного ставились лишь в храмах ящеров, которые почитали его как главного. Ведь именно он дал им возможность оборота, превратив в злобных чудовищ.

Но не статуи привлекли мое внимание.

У сверкающего алтаря стояли император и мой жених. Чуть в сторонке — Этель, которая не сводила с мужчины задумчивого взгляда, и группа островитян.